

СЕМАНТИКА ФОРМОТВОРЧЕСКОЙ ЛОГИКИ ЗООМОРФНОЙ КЕРАМИКИ ЖЕТЫАСАРА

Агабек Назаров¹, Сангуль Каржаубаева²

^{1,2}Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова
(Алматы, Казахстан)

Аннотация. Каждая культура самобытна, многофункциональна, обладает своей особой стратификацией и отношением к миру. В этом контексте, культурное наследие в виде малых скульптурных форм и лепных керамических изделий в виде протом почитаемых животных, это та область прикладного искусства и орнаментологии, которая сегодня представляет особый исследовательский интерес. Смысловым центром семантических интересов данного исследования стали протомы баранов из раскопок средневековых поселений, расположенных в низовьях Сыр-Дарьи. Архитектоника, найденных археологами объемных скульптурообразных фигурок специфична по форме и имеет ряд пластических особенностей. Безусловно, что на формотворческие процессы изготовления протомов повлияла и сама сакральная природа почитаемых животных, став ярким и своеобразным проявлением художественного мышления казахского этноса в общей системе преемственности народных традиций. Поэтому целью данного исследования стал семантический анализ зооморфной керамики Жетыясарского региона как устойчивых визуальных и эстетических маркеров мироощущения этносов, проживавших в средневековом Приаралье. Поскольку существующий сегодня разноречивый в «прочтениях» и трактовках формотворческих принципов орнаментоподобных зооморфных изделий и их декора до сих пор остается на уровне гипотез, то основной задачей исследования стало рассмотрение принципов продуцирования зооморфных апотропейных предметов по степени их культурной оригинальности и способам пластических стилизаций.

В методологическом плане анализ зооморфных изделий проведен в рамках историко-культурологического подхода, но в целом, методологической основой исследования стал междисциплинарный подход, синтезировавший в себе методы культурной антропологии, искусствознания, анализ непосредственных эмпирических данных полевых исследований, отчеты

археологических находок. Использование технологий 3D-моделирования помогло в более точном воспроизведении ряда декоративных элементов. Опираясь на статистику и доступный аналитический материал раскопок культурного слоя VII-X вв., изучение зооморфных керамических артефактов приаральского и сырдарьинского регионов проведено в контексте их функционального назначения.

Ключевые слова: культурные традиции, протомы, орнаментоподобные формы, скульптурная стилизация, агломерации Жанкента и Жетыасара.

Для цитирования: Назаров, Ағабек и Сангуль Каржаубаева. «Семантика формотворческой логики зооморфной керамики Жетыасара». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 10, №1, 2025, с. 16–34, DOI: 10.47940/cajas.v10i1.973.

Благодарности: Авторы выражают благодарность редакции «Central Asian Journal of Art Studies» за помощь в подготовке статьи к публикации, а также анонимным рецензентам за внимание и интерес к исследованию.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи и заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Введение

Предваряя исследование зооморфных предметов апотропейного назначения, найденных в раскопках средневековых поселений Приаральского региона, как устойчивую визуальную мировоззренческую константу, сформировавшуюся еще в древние времена, напомним, что учёными не всегда стилистика изобразительных образов культовых и бытовых предметов рассматривалась с ментальных позиций носителей культуры. Более того, необходимо подчеркнуть, что, например, в определении функционального назначения зооморфных предметов, а именно протом баранов, достаточно долгое время господствовала «утилитарная» точка зрения известного археолога, увидевшего в протомах внешнее сходство с «шашлычницами», подставками под вертела (Смагулов 90). К сожалению, это определение, случайно сформулированное в обиходной речи под первым впечатлением, стало «само собой разумеющимся» и надолго закрепились в научных текстах.

Происхождение, хронология, назначение зооморфных керамических предметов приаральского и сырдарьинского регионов привлекали внимание археологов, историков, этнографов, культурологов. Учёными высказывались различные, порою, противоположные мнения. Надо сказать, что протомы как специфические артефакты, характерные для поселений нижнего бассейна Сырдарьи в средневековую эпоху, достаточно подробно описаны в трудах многих известных археологов, а выдвигаемые ими предположения послужили в качестве основного историографического и методологического материала для данного исследования. В первую очередь это научные работы и статьи Карла Байпакова, Галины Пугаченковой, Бориса Литвинского, Александра Бернштам, Эммы Зиливинской, Ерболат Смагулова, Рустема Дарменова, Азилхана Тажекеева и др. Учёными установлено, что ещё в I в. до н.э. в культуре Куанчи встречаются орнаменты на гончарных изделиях и предметах из керамики, аналогичные по форме

жетыасарским изделиям, структурный анализ которых интерполируется VII-VIII вв. Однако, из всего достаточно обширного материала археологических раскопок, научной аналитике в большей мере внимание уделялось вопросам, связанным с ареалом распространения керамических орнаментоподобных изделий, источникам добычи, содержанию минеральных примесей, структуральному анализу глины, технико-технологическим особенностям изготовления очажных подставок, взаимовлиянию гончарных традиций близких и отдаленных географических зон, особенностям локальных вариантов алтарных подставок-протом.

Исследователями жетыасарской культуры особо подчеркивается «необычайная устойчивость и консерватизм», которые проявлялись «во всех аспектах жетыасарской культуры» и в первую очередь в керамических предметах и изделиях, тысячелетиями «остававшиеся неизменными на всем протяжении своего бытования в регионе». Этот консерватизм, то ли в силу «особой социальной организации жетыасарского общества», то ли в силу «расположения в зоне традиционных миграционных и торговых путей», постоянных связей населения региона с Китаем, Сирией, Византией, Ираном, указывает на то, что носители жетыасарской культуры намеренно «культивировали свой консерватизм и внешний архаизм» (Левина 372).

Но, как бы не трактовалась означенная проблема, очевидно одно, «защитная реакция» автохтонных насельников приаралья была направлена на приверженность мировоззренческим устоям, соблюдению традиций, почитанию святых реликтов, бережного сохранения их на протяжении многих столетий своей доисламской истории.

Учеными доказано, что самым надежным культурным индикатором этнической принадлежности, визуальным

маркером - являются изделия и предметы материальной культуры из керамики. В особенности предметы культового назначения. Действительно, подобные изделия визуализируют конкретные идеологические представления народа. Казахский философ- орнаментолог Алибек Кажгали улы в своем прорывном труде пишет: «Визуальный архетип неизменно проявит себя сквозь броню любой идеологии и всегда найдет дорогу, упрямо прорастая через толщу любых догматов и установлений» (Кажгали улы 275). А длительность временного периода бытования алтарных подставок в виде протом священных животных указывают на особую значимость и непрерывность духовных связей многих поколений жетыасарской культуры.

Отмечая важность перечисленных исследовательских ракурсов, заметим, что вопросы, связанные с изучением протом Священного барана не могут ограничиваться лишь «сугубо утилитарными» или технологическими вопросами, поскольку, выражаясь словами исследователя орнамента Любовь Буткевич, содержательная сторона предметного мира древних всегда «охвачена сакральным сознанием» и связана с картиной мира и мировоззрением конкретной эпохи (Буткевич 10). В этом плане, вероятно, только орнамент, с его устойчивостью форм, содержания и мотивов, способен «сквозь века донести» значение духовных смыслов, обозначить идентификационные процессы, визуализировать архетипы мышления, установить содержательные связи.

Методы

В качестве методологической основы исследования применен междисциплинарный подход, который включает методы культурной антропологии, искусствознания и археологии. Для расшифровки

материалов полевых исследований и анализа археологических находок был использован эмпирический метод и сравнительно-сопоставительный подход. Для наиболее точной визуализации объёмных предметов из керамики и некоторых декоративных элементов, также были применены современные технологии 3D-моделирования. Надо заметить, что с одной стороны, перспективность подобного рода исследований подтверждается существующим разнообразием научных методов в изучении орнаментального наследия мировой культуры, с другой стороны, имеющиеся лакуны в осмыслении новых «артефактов» отдельных регионов нашей страны приобретают неоспоримую значимость для дальнейшего развития орнаментологии и теории орнамента как специфических отраслей искусствознания.

Что же касается изобразительной стороны орнаментов на жетыясарской зооморфной керамике, то, в основном, исследователи ограничиваются лишь констатацией её присутствия. Поэтому, в методологическом плане, с целью достижения исследовательской полноты, особое внимание было уделено фундаментальным трудам учёных, исследовавших семантику художественно-изобразительных орнаментоподобных образов как визуальных мировоззренческих проявлений у племён раннего средневековья. Это труды Эрнста Герцфельд, Эллы Соломоник, Михаила Ростовцева, Дмитрия Раевского, Сергея Яценко и др.

Во избежание вольностей в трактовке орнаментов при их детальном изучении, большое влияние на данное исследование оказала концепция пралогического мышления, ментальных функций и общечеловеческих типах мышления французского философа, антрополога и этнолога Люсьен Леви-Брюль, (Леви-

Брюль 428), а также труды по знаково-символическим системам Юрия Лотмана, (Лотман 148).

Большое влияние на данное исследование оказали идеи гениального учёного-историка, автора теории пассионарности Льва Николаевича Гумилёва, высказанные им в книге «Тысячелетия вокруг Каспия» «<...> не менталитет определял и определяет тенденции исторического процесса <...> а ритмы жизни» (85). Ритмы Вселенной объемлют всё. Жизненные приоритеты, стратификационные принципы, образ проживания этносов, их «мирочувствование» - всё подчинено этим глобальным метаритмам. Можно утверждать, что способы нанесения орнамента это визуализированная эстетическая рефлексия на существующий в мире метаритм. Иной принцип встречается очень редко. Это очень важное в теоретическом и практическом отношении научное положение, за которым стоят не просто идеи так называемого «цивилизационного подхода» (98), но раскрываются значение менталитета в познавательных процессах и этнопсихологии, визуально проявляемые в духовно-эстетических приоритетах и картине мира целого народа.

В данном конкретном случае, связанном с изучением орнаментов средневековых городов Приаралья, опора на фундаментальные труды перечисленных учёных дала возможность интерпретации некоторых общих и специфических форм и мотивов, распространённых на обширной территории в средневековый период нашей истории, на новом материале археологических раскопок первой четверти XXI в.

Таким образом, для достижения объективного прочтения культурных артефактов, основу методологической базы данного исследования составил принцип взаимообусловленности

мировоззрения, природных, социально-экономических, историко-культурных условий и явлений.

Дискуссия

В современной истории Казахстана археологические исследования оазисов бассейна низовий Сырдарьи датируются 2004 г. и связаны с казахстанско-российскими археологическими экспедициями, в ходе которых были получены многочисленные культовые артефакты, в том числе образцы очажных подставок в виде протом баранов, найденные в культурных слоях VIII-XII вв. (Дарменов 109).

Как известно из трудов Карла Байпакова, Павла Шульца, Ольги Дашевской в сырдарьинском регионе уже в раннем средневековье сложилась достаточно яркая и своеобразная культура «необъяснимо близкая по своей схожести с позднескифской (II-III вв.) крымского и северо-кавказского ареала» (Шульц 177). И хотя письменные сведения относительно скупы, известно, что центр некогда процветавшего государства Кангюй располагался в среднем течении Сырдарьи. Точнее, кангюйская цивилизация интерполируется второй половиной II в. до н.э. Этническая атрибуция сводится к двум версиям: тюркоязычные племена - Александр Бернштам (Бернштам 95) и кочевые племена тохаров - Лариса Левина (Левина 518).

Вышеуказанная хронология приводится лишь для уверенного сопоставления и констатации выводов. Ведь каждый артефакт это документ своей эпохи. Точное прочтение культурных артефактов могло бы помочь в расшифровке закодированных в них потаённых смыслов, понять логику бытования этносов в пространственно-временном пересечении и истории взаимовлияния культур.

Одним из богатых проявлений жетыясарской культуры раннего

средневековья стала керамика с изображением барана. Типы изображений в зооморфной керамике VIII-XII вв. разнообразны. Археологические раскопки поселений Жетыясара явили миру большое количество специфической атрибутики в виде протом баранов, удивительно схожих с аналогичными находками из Джанкентского городища и поселений Сортобе. Появление схожих зооморфных образов из керамики в соседних оазисах указывает направление перемещений племён и связи между ними. В то же время, обращает на себя внимание, что на том этапе, так называемая «кангюйская зооморфная традиция» трансформируется и утрачивает реалистические тенденции в изображениях барана, продолжая своё бытование в качестве обобщённого образа-символа (Дарменов 119).

С середины XIII в. на Сырдарье активизируется становление крупных культурных и торговых центров Джанд, Сауран, Сыгнак, Ясы, Отрар. В этническом плане состав населения остаётся неизменным, за исключением пришлого монгольского элемента, который довольно быстро ассимилируется, осваивает местный язык и обычаи, что и объясняет продолжение традиций изображения баранов, реалистические фигурки которых встречаются на различных изделиях в слоях XIII-XV вв. Дополнительным аргументом в поддержку удивительно устойчивой традиции служит группа реалистичных фигурок баранов, а также ручек в виде зооморфных изображений, покрытых серой, голубой и синей глазурью в сочетании с коричневой и марганцевой росписью. Значимым аспектом, связанным с исследованием духовной культуры населения юга Казахстана в древности и средневековье, является семантика образа барана, выступавшего в нескольких ипостасях - обеспечение изобилия, гарант здоровья и безопасность от злых сил.

В этом контексте, формотворческое наследие народов, проживавших некогда на обширных территориях низовья Сырдарьи в средние века, эта та область орнаментологии, которая сегодня представляет особый исследовательский интерес, но до сих пор остается малоизученной. А те наличествующие, но редкие попытки достичь сколько-нибудь ёмкой дефиниции в расшифровке определённых мотивов на бытовых и культовых изделиях различного функционала, ограничены лишь описательными характеристиками экстенционала либо кратким обозначением их интенционалов, при том, что, глубинный смысл орнаментоподобных объёмных форм остается, к сожалению, за пределами исследовательского внимания. И это в то время, как и сегодня, практически ежедневно каждый казах сталкивается с неизменными по своей форме и смыслу орнаментальными образами, дошедшими до нас в неизменном виде с тех архаических времён.

Зооморфные протомы с разной степенью орнаментальной стилизации, свидетельствуют о том, что существовало несколько видов, различающихся по своему скульптурно-пластическому решению. Накопленный на сегодняшний день достаточно богатый и разнообразный археологический материал требует рассмотрения семантики зооморфных изображений, при том, что сегодня их культовое назначение уже не ставится под сомнение, как это утверждалось в 30-40-е гг. прошлого столетия (Смагулов, 2004:90-108), но позволяет по-новому аргументировать саму гипотезу.

Различные мнения о сакральном смысле изображений животных на керамике из Отрарского оазиса высказывались учеными археологами, историками, этнографами. Так например, Евгения Агеева, раннекангюйскую зооизобразительную традицию

рассматривает в качестве пережитков древних верований, и связывает их непосредственно с конкретными условиями жизни скотоводческих общин (Агеева 163). Подобной точки зрения придерживаются и авторы книги «Древности Чардары» (Максимова 250).

В фундаментальном, насыщенном многочисленными историческими сведениями и интересными этнографическими параллелями труде известного археолога, историка-востоковеда Бориса Литвинского «Кан—гюй—ско-сар—мат—ский фарн» прослеживается идея, о том, что изображения Священного барана на бытовых изделиях кангюйских и родственных им сарматских племён связаны с распространением зороастризма, в котором образ барана ассоциируется с инкарнацией божества фарн - крылатого барана (фарн-благодать) (Литвинский 120)

В древности культ барана имел широкое распространение у многих народов мира. Это и древнеегипетский бог Амон, и индийский бог Индра, и греческий бог плодородия и животворящих сил природы и театра Дионис. Этот список можно продолжить. Все они выступали в облике Священного барана. Ещё в 80-х годах прошлого века казахский архитектор, культуролог Бек Ибраев выдвинул целый ряд предположений относительно космогонических воззрений, связанных с культом Священного барана, символикой стилизаций орнаментоподобных скульптурных форм и архитектурных элементов у разных народов (Ибраев 42). Особый интерес, в контексте данного сообщения, представляет идея Б.Ибраева относительно происхождения античной капители ионического ордера (аттический вариант VI в. до н.э.), с характерными симметрично расположенными спиралеобразными завитками-волютами. В этом архитектурном элементе учёный видит стилизованный в мраморе

зооморфный облик античного божества плодородия - прообраз Бога Диониса. Первоначально архаическим символом Диониса был - Бык, чуть позже, в классический период, зооморфной маской божества - стал Священный баран.

В древнейших верованиях народов Центральной и Средней Азии - кошкар являлся прежде всего оберегом. Именно фигурка барана венчает головной убор сакского вождя из Семиречья. Рога кошकारа нейтрализовали «дурной глаз», их держали в домах для охраны детей. Кошкар покровительствовал всем: так, например, мужчины, для успеха в делах дотрагивались до головы барана, а человеку, находящемуся в стаде баранов, вообще не страшны были никакие злые духи. Казахи верили, что баран имеет божественное происхождение, он создан «из неба и огня», и потому является чистым. Даже само слово «Кошкар» наделялось сверхъестественной магической силой. «Имя в древности рассматривалось как священная часть живого существа», поэтому мальчикам давали в качестве личного имени, и верили, что таким образом «<...> возрождают эту сущность» (Фрейденберг 104). Оберегом служили и части тела барана, и даже овечья шерсть использовалась в качестве амулета. Весьма популярно было гадание на овечьей лопатке. Бытовал обычай подвешивать бараньи рога над входом в дом, а вырезанные из дерева рога укрепляли на детских и девичьих головных уборах. Изображения рогов в виде орнаментов на предметах быта, в дизайне жилищ, костюме, прикладных и ювелирных изделиях воспринимались в качестве самой могущественной визуальной символики и наделялись высшим апотропейным статусом.

С образом барана соотносились не только реликты тотемизма, но и более сложные представления, связанные

с сакрализацией животного мира с элементами зороастризма. Конечно, на протяжении веков идеи, порождённые этим популярным образом, менялись, что-то забывалось, что-то появлялось новое. Однако, традиции культа барана-производителя с его мощными закрученными рогами, образ которого воспроизводили многие поколения гончаров приаральского региона не были забыты и в сложные исторические периоды перемещений и смешений племён.

Истоки культа, безусловно, уходят в более глубокую древность, а различного рода керамические изображения барана в низовьях Сырдарьи, указывают на важную роль этого животного в жизни автохтонных племён региона. Уже позже, исчезновение культа барана из официальной жизни Жетысара, наряду с «массовым появлением очагов-алтарей в жилых помещениях», многими исследователями напрямую связываются с усилением ислама (Зиливинская 107)

На этом основании учёными делается предположение о достаточно длительном бытовании протомов как главного атрибута доисламского культа жетысарцев и после арабского завоевания. Доказательством служит расположение протом в центральной зоне жилых помещений, в котором находился священный огонь как символ сакрального центра жилища. Подобные выводы сделаны, на основании того, что сама форма этих изделий не предполагает утилитарного применения их в качестве подставки для посуды или другой утвари. Об этом же свидетельствует и анализ прокалённости донной поверхности очага и зольно-угольных остатков на всей подставке (Дарменов 120).

Сакральная функция керамических протом также подчёркивается специально оформленной зоной - в виде шкуры барана (тулак). Традиция стелить баранью шкуру у порога берёт своё начало из еще более далёкой древности

и связана с верой, в то, что входящий в дом человек, наступая на неё «очищается от всех дурных мыслей и побуждений» (Бидалов 65) (рис.1).

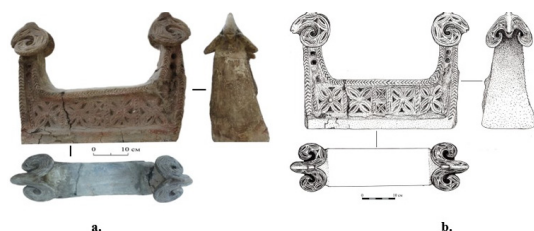

Рисунок 1 - Образцы протом баранов из раскопок 2018 г.
(автор рисунка и реставратор А.Ж. Назаров)

Безусловно, ритуалы и орнаментальная символика культа огня, в той или иной коннотации существовала практически у всех народов. И примером тому служат оформление и организация очагов в городищах Жанкента, Жетыасара. В целом можно отметить, что архитектурные принципы строительства жилищ с очажными конструкциями в центре помещений повсеместно встречаются в археологических раскопах южного Казахстана, еще с I в. до нашей эры и имели распространение вплоть до XII-XIII в. Подробное представление о жилых кварталах и постройках средневековых

городов Приаралья можно найти в многочисленных исследованиях историков и археологов. Собственно, на основании их трудов, в некоторой степени напрашивается вывод о единообразии, и даже стандартизированном подходе жетыасарцев к строительству и внутреннему дизайну жилых помещений. Этот же принцип наблюдается и в однотипности конструкций алтарных подставок.

В классическом виде алтари-подставки представляли собой открытую площадку прямоугольной формы с невысокими бортиками по всему периметру. Глиняная конструкция, в виде противоположно развёрнутых протом баранов, обычно располагалась с северной стороны. Архитектоника очажной конструкции напоминает собой брусок с двумя вытянутыми, сужающимися кверху пирамидальными формами, которые образуют «шеи» и увенчиваются стилизованными «головами» козлов. Поверхность бараньих фигурок сплошь орнаментально декорирована. Верхняя и боковые части бараньих голов тоже украшены зигзагообразной орнаментикой (Рис. 2).

Обращаясь к содержанию и семантике орнаментальных образов на керамических изделиях зооморфного типа, необходимо учитывать весь мировоззренческий комплекс. Не следует рассматривать каждый элемент по отдельности. Изучение предмета должно быть включенным в целостную систему социально-бытового, религиозно-мировоззренческого устройства и идеологии общества, породившего сам культ, символику и традиции изображения сакральных образов. Заметим, что точное «прочтение» орнаментальных метафор усложнено своеобразием этого вида декоративного творчества. Множественность вариантов стилизации и их воспроизводимость, ритмичность повторяющихся сюжетов порождают ситуации для

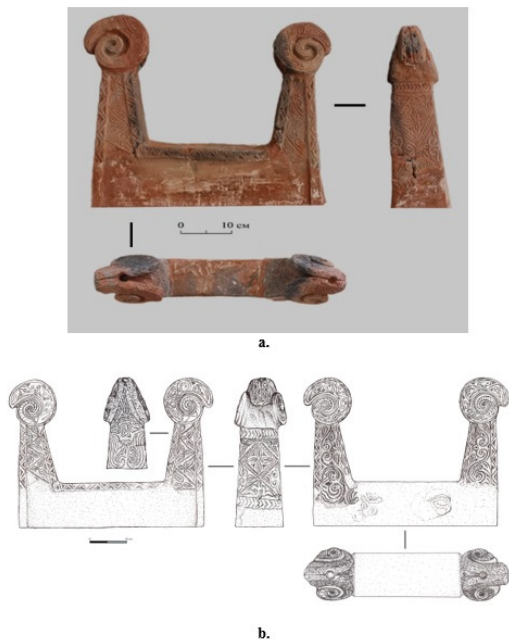

Рисунок 2 - Культовый образ барана из раскопок города Жанкент 2023 г.
(автор рисунка и реставратор А.Ж. Назаров)

широкой и вольной интерпретации, но, в границах культурной парадигмы конкретного общества. И в этом плане изучение орнаментального декора представляется весьма перспективным, обнаруживающим широчайшие исследовательские возможности для уточнения хронологии, выявления определённых закономерностей, установления скорости трансформаций орнаментальных сюжетов и мотивов, локальных отличий памятников культуры генетически взаимосвязанных регионов Жанкента и Жетыасара, чьи мастера из поколения в поколение создавали свои творения в рамках единой традиции (Рис. 3).

«Древние не воображали Мир символическим» они «его таким воспринимали» (Бицилли 14). Размышляя о семантике символической структуры, болгарский философ Пётр Бицилли пишет: «мысль (мастера) всегда базируется на связи символа и символизируемого» и делает вывод, что «на символ» всегда «переносятся свойства символизируемого». «Единство

подобной системы», Бицилли объясняет достаточно убедительно и лаконично: «устойчивость и общезначимость символов находятся в связи с тем, что все вещи-символы - в одинаковой мере твари Божьи и носят на себе отпечаток Творца». Другими словами «всякая тварь - монада, воспроизводящая в себе Творца и творение» (Бицилли 14). Все зримые «вещи» обладают свойством воспроизводить «невидимое», и являться их «символами». Но в разной степени. «Уже одно это заставляет мыслить мир как иерархию символов. Символы высшие - <...> причастны по своей природе символам низшим, представляют их собой и потому играют двойную роль: воспроизводя «незримые вещи» они в то же время воспроизводят и «видимые», стоящие ниже их. Всякая вещь есть «малый мир», в который глядится «большой мир», но не всякая отражает его полностью. По Бицилли «человек воспроизводит собой всю природу, а животное - не всю: оно имеет лишь некоторые общие с человеком свойства <...>» (Бицилли 15).

Отдельного внимания заслуживают способы моделировки, гипертрофизации, стилистические упрощения, строгость соблюдения канонов при передаче формы, продиктованные требованиями к функциональному назначению того

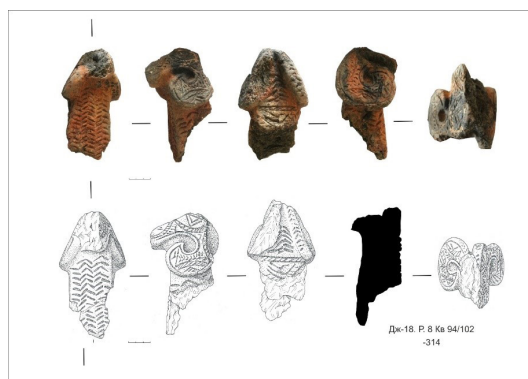

Рисунок 3. Фрагменты из раскопок города Жанкент 2023 г.
(автор рисунка и реставратор А.Ж. Назаров)

или иного предмета. Потому что зооморфные атрибуты в виде протом священных баранов, кроме ритуально-культовой значимости, визуализировали некий сакральный код, подчиненность мировоззренческим устоям кочевого общества.

Результаты

Стратификация и весь уклад жизни казахского народа сопровождался символическими актами-знаками. Символическое сознание создало не просто исключительно богатое искусство, но и культуру, со сложной, тонко разработанной системой знаков, которые выражались не только в парадигме проживания, но и в способах и манере поведения, изложении мыслей, в передаче тайных знаний и смыслов. Следствием подчиненности «природному» существованию, обожествления животворящих сил природы - стали визуальные отождествления, выраженные в стилистических трансформациях и способах изображения тотемических образов, символике орнаментов, с сохранением сакрального смысла.

Рассматривая культовые подставки-алтари, обращает на себя внимание архитипичность орнаментационных принципов керамических комплексов Жанкента и Жетыасара. Основу главного изобразительного способа представлял метод прочерчивания палочкой и выскабливания внутренней части. Аналогичным изобразительным способом передавались различные мотивы из треугольных и других замысловатых геометрических фигур в виде зигзагов, ломанных и прямых линий, которыми украшались глиняные горшки, крышки, шираки-светильники и др. Для орнаментальных изображений птиц, животных и рыб применялась штамповка. А для изображения «бараньего» орнамента применялась техника резьбы.

Надо заметить, что в целом, тематика орнаментальных композиций жетыасарцев отличалась достаточным разнообразием. Но излюбленным мотивом, всё же, также как и во всём «древнетюркском искусстве начиная с эпохи неолита и кончая поздним средневековьем», оставались сюжеты с образами баранов, архаров, козерогов и близких к ним животных» (Байпаков 552).

Известно, что в основе любого орнамента всегда лежит определенная идея, реализующаяся в знаково-символической форме, свойственной той или иной культуре. И среди всего орнаментального разнообразия, представленного в гончарных изделиях приаралья особо выделяется образ Священного барана, культ которого обладал мировоззренческим статусом, а сам зооморфный протом являлся главным сакральным атрибутом. Если соотнести порождаемый этим сакральным образом скрытые смыслы, то в первую очередь обращает на себя внимание - его способность интегрировать в своём строении такие бинарные оппозиции как «реальное и идеальное», «объективно существующее и неосоздаемое духовное». Ключевой же мотив священного орнаментоподобного образа, по всей видимости, заключался в визуализации генеральной идеи, идеи божественной эманации - как неисчерпаемого источника божественной благодати.

Продолжая масштабную развёртку идеографической семантики орнаментов в виде завитков рогов баранов, заметим, что универсальная формула «қошқар мүйіз», в своих истоках восходит к семантическому полю морфемы «құт» - благодать, созидательные животворящие силы природы, удача. Если же упростить формообразующую линию этих завитков, то можно увидеть и саму базовую строительную конструкцию. В результате, в визуальном плане, чистота

подобной схемы коррелирует к спирали — как к символу бесконечности.

Как видим, формообразовательная логика ассоциативной цепочки: «Священный баран - рога - орнамент кошкар мүйіз - спираль» - достигает своего абсолюта, за которыми уже стоят более высокие понятия космологического уровня, символизирующие динамичные процессы, циклические явления природы и глобальные категории мирового порядка.

Основные положения

Культурное наследие всегда расценивалось в качестве фундаментальной базы национального самосознания, особого типа мышления, мировоззренческой системы и жизненных установок. Зачастую своеобразными идентификаторами различных аспектов материальной культуры выступают предметы из керамики, форма и виды которой на протяжении длительного временного периода остаются неизменными. В жетысарской культуре подобной устойчивостью формотворческих традиций обладал один из самых выразительных предметов культового назначения - протом барана. Продолжительное бытование подобных керамических изделий, выполненных в виде малых скульптурных форм, представляющих собой изображение самого почитаемого животного, позволяют утверждать об устойчивости определенной системы мировоззрения, космогонии и идеологии. Сакральная природа самих протом священных баранов безусловно повлияла и на формотворческие процессы, став ярким и своеобразным проявлением художественного мышления казахского этноса в общей системе преемственности народных традиций. Символический характер зооморфных протомов, выраженный в предельно лаконичной, отстраненной от конкретных деталей

конструкции, визуализировали собой эстетику и универсальную формулу бытия кочевника.

Вышесказанное позволяет ставить вопрос о значении материального наследия жетысарских племён в культуре казахского этноса. Отсюда и вывод. На разных этапах своей истории носители жетысарской культуры не были простыми ретрансляторами, но прежде всего сами играли ведущую роль в культуре и духовной истории народа.

Заключение

Подытоживая сказанное выше, отметим, что в разных культурных традициях идеальные представления воплощались в особенных, характерных для этой конкретной культуры формах. В казахской культуре подобными функциями наделялись орнаменты. В их символической структуре зримым образом соединялись фундаментальные понятия, присутствующие одновременно в объективно-реальном и неосознано пребывающие в духовном. Воплощенная в орнаментальных формах дихотомия реального и идеального способствовала сохранению и трансляции из поколения в поколение глубоких чувств, высоких идей и представлений о мире.

По утверждению учёных, происхождение орнамента доподлинно неизвестно. Однако, пытаясь «проникнуть» мысленным взором в глубокую древность можно предположить, что некогда, с целью гарантированного сохранения человеческих знаний, особо одаренным людям пришла гениальная мысль - вынести сакральную информацию за пределы человеческого мозга как конечного биологического объекта. А именно, «вынести» за пределы сознания конкретного индивидуума знания или представления об этих знаниях на внешнюю память. По всей видимости, в дописьменную эпоху такими

хранилищами (внешними носителями памяти), способными предотвратить потерю сакральных знаний, стали орнаменты и орнаментоподобные символы.

Орнамент называют «языком тысячелетий», в котором запечатлена великая народная мудрость, его философия, мировоззрение и традиции. Но, как известно, с течением времени, в каждом языке происходят изменения, обусловленные социальными, историческими, политическими, экономическими изменениями условий и образа жизни, которые в свою очередь влияют на лексические трансформации языка, влияют на смысловой аспект слов и терминов. Как оказалось, порою одно и то же слово, в одном и том же языке на разных исторических этапах своего бытования может иметь разное значение. Практика показывает, что нарратив не всегда способен полноценно передать всю глубину и сущность переживаний, точность мысли и истинность чувств предыдущего поколения последующим. И это хорошо понимали древние. Кроме того, что сам по себе язык герметичен, он еще и весьма ограничен в возможностях выражения. С течением времени в любом языке происходят изменения. Порою, весьма кардинальные. Для древних таким гарантом сохранности и незыблемости в передаче потомкам основополагающих знаний, идей и смыслов стал символический язык орнаментов.

Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что орнаментальные символы — это вербально невыразимые трансляторы, лаконичность форм которых позволяет визуализировать даже самые сложные сверх-идеи. Как видим, именно орнамент, обладает подобной возможностью воплощать культурную парадигму и универсальный духовный опыт человечества в компактной форме. К такому утверждению приводит расшифровка большого количества найденного в раскопках материала.

Зооморфизм жетыясарских апотропейных артефактов культового назначения отражает включённость зоолатрии в частный, социокультурный и духовный контекст бытия, проживавших в данном регионе этносов как явления не утратившего свою силу с приходом ислама. Более того, вариации протом баранов свидетельствуют об устойчивости сакральных образов, которые в стилизованной форме визуализировали ценностную матрицу, сохраняли и несли ключевые смыслы духовной культуры. Явный зооморфизм предметов культового назначения с их тотемической формообразующей стилистикой, органично вписанный в культурный паттерн региона, считается и явно идентифицируется как культурный код-архетип, свойственный культуре Жетыясара.

Завершая краткий экскурс в семантику зооморфических образов, можно утверждать, что в основе древней орнаментоподобной формы протом баранов заложена идея, которая реализуется согласно художественно-эстетическим принципам и философии жизни этносов, проживавших в приаральско-сырдарьинских широтах. Древние орнаменты — это некий свод знаний и память конкретного общества, запечатленная в художественной форме. Память - материализованная в орнаментальных метафорах.

Казахский орнамент в качестве ценностной матрицы не просто выражал художественные вкусы и традиции народа, был обязательным культовым и одновременно эстетическим средством оформления жизненного пространства, но в первую очередь, был «визуальным эфиром», транслирующим отношение к миру. И сегодня, спиралевидные изображения «қошқар мүйіз» выступают главным визуальным идентификатором и смысловым элементом казахского национального орнамента!

Вклад авторов:

А.Ж. Назаров – формирование идеи, написание основного текста, поиск цитат, оформление статьи и списка литературы.

С.К. Каржаубаева – методология и концепция исследования, анализ и обобщение исследовательского материала, редактирование статьи, написание дополнительного текста.

Авторлардың үлесі:

А.Ж. Назаров – идея авторы, негізгі мәтінді жазу, дәйексөздер іздеу, мақаланы мен әдебиеттер тізімін рәсімдеу.

С.К. Қаржаубаева – зерттеу әдістерін әзірлеу мен тұжырымдамасын қалыптастыру, зерттеу материалдарың талдау және синтездеу, мақаланы өңдеу, қосымша мәтін жазу.

Authors' contribution:

A.Zh. Nazarov – the author of the idea, writing the main text, searching for citations, formatting the article and the list of references

S.K. Karzhaubayeva – methodology and concept of the study, analysis and synthesis of research material, editing the article, writing additional text.

Список источников

- Агеева, Евгения и Пацевич, Героним. *Из истории осёдлых поселений и городов Южного Казахстана*. ТИИАЭ АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958, с. 163–164.
- Байпаков, Карл и др. *История религий в Казахстане: древность и средневековье*. Алматы, Рухани жаңғыру, 2018.
- Бернштам, Александр. «Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана». *Известия АН КазССР*, № 57, серия археология, вып. 2. Алма-Ата, 1949, с. 94–95.
- Бидалов, Сейдали. «Археологические исследования средневекового городища Сортобе». *Вестник КазГУ имени аль-Фараби. Серия история*. 2017. № 4. с. 62–75.
- Бицилли, Пётр. *Элементы средневековой культуры*. Санкт-Петербург, Москва, 1995. с.14–15.
- Буткевич, Любовь. *История орнамента*. Москва, ГИЦ «Владос», 2008.
- Гумилев, Лев. *Тысячелетия вокруг Каспия*. Москва, Изд. АСТ, 2008.
- Гумилев, Лев. *Этногенез и биосфера Земли*. Москва, Изд. АСТ, 2023.
- Дарменов, Рустем и Тажекеев, Азилхан. «Ритуальные очаги на городище Жанкент» // Журнал АлтГУ «Народы и религии Евразии», 2018 № 4 (17) с. 109–122.
- Зиливинская, Эмма. «Очаги жилого комплекса на городище Джанкент». *Известия НАН РК. Серия общ. и гуманитарных наук*. Алматы, 2013. № 3. с. 100–107.
- Ибраев, Бек. «Космогонические представления наших предков». *Декоративное искусство*, Москва, 1980, № 8, с. 40–44.
- Кажгали улы, Алибек. *Визуальный архетип*. Алматы, ТОО Интерпринт, 2014.
- Леви-Брюль, Люсьен. *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. Москва, Изд. Академический проект, 2022.
- Левина, Лариса. *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. - I тысячелетие н.э.* Москва, 1996.
- Левина, Лариса. «Исследования в Джетыясарском урочище». В кн.: *Археологические открытия 1976*, Москва, 1977, с. 517–518.
- Литвинский, Борис. *Кангюйско-сарматский фарн. (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии)*. Душанбе, 1968, с.120.
- Лотман, Юрий. *Внутри мыслящих миров*. Москва, 1996. с. 148.
- Максимова, Анна и др. *Древности Чардары*. Алма-Ата, 1968, 264 с.

Смагулов, Ерболат. «Шашлычницы» Алтынтобе. *Известия НАН РК. Серия общественных наук*, Алматы, 2004, №1, с.90–108.

Уманский, Кирилл. «Ритм: от вселенной до композитора». *Выпуск № 2 (770)*, 2020.

Фрейденберг, Ольга. *Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы*. Ленинград, 1936.

Шульц, Павел. *Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму*. Москва, МИА. 1971. Т. 177.

References

Ageeva, Eugenia, and Patzevich, Geronim. *Iz istorii osedlyh poselenii i gorodov Yujnogo Kazakhstana [From the history of settled settlements and cities of Southern Kazakhstan]*. TIIAE AN KazSSR, t. 5, 1958, s. 163–164. (In Russian)

Baipakov Karl, et al. *Istoriya religii v Kazahstane: drevnost i srednevekovye [History of religions in Kazakhstan: ancient and medieval.]* Almaty, Ruhani jangyru, 2018. (In Russian)

Bernshtam, Aleksandr. «Problemy drevnei istorii i etnogeneza Yujnogo Kazakhstana» [“Problems of ancient history and ethnogenesis of Southern Kazakhstan.”] *Izvestiya AN KazSSR*, № 57, seriya arh-skaya, vyp. 2, 1949, s. 94–95. (In Russian)

Bidalov, Seidali. «Arheologicheskie issledovaniya srednevekovogo gorodiща Sortobe» [“Archaeological research of the medieval settlement of Sortobe”], *Vestnik KazGU imeni al-Farabi*, Series of history, 2017, № 4, s. 62–75. (In Russian)

Bitzilli, Petr. *Elementy srednevekovoi kultury [Elements of medieval culture.]* SPb., M., 1995. pp.14–15. (In Russian)

Butkevich, Lyubov. *Istoriya ornamenta [History of ornament]*. Moscow, GITS «Vlados», 2008. (In Russian)

Gumilev, Lev. *Tysyacheletiya vokrug Kaspiya [Millennia around the Caspian]*. Moscow, AST, 2008. (In Russian)

Gumilev, Lev. *Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]*. Moscow, AST, 2023. (In Russian)

Darmenov, Rustem, and Tajekeev Azilhan. «Ritualnye ochagi na gorodiще Jankent» [“Ritual Hearths at the Zhankent Fortress.”] *Journal of AltGU «Narody i religii Evrazii»,* 2018 № 4 (17) p. 109–122. (In Russian)

Zilivinskaya, Emma. «Ochagi jilogo kompleksa na gorodiще Djankent» [“Hearths of the residential complex on the Dzhankent settlement.”] *Izvestiya NAN RK, Seriya obshestvennyh i humanitarnykh nauk,* 2013, № 3, pp. 100–107. (In Russian)

Ibraev, Bek. «Kosmogonicheskie predstavleniya naših predkov» [Cosmogonic ideas of our ancestors. *Dekorativnoe iskusstvo,* 1980, № 8, pp. 40–44. (In Russian)

Kazhgali uly, Alibek. *Vizual'nyy arkhetyip [Visual archetype].* Almaty, TOO Interprint, 2014.

Levi-Bryul, Lyusen. *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii [The Supernatural in Primitive Thinking.]* Moscow, Akademical Projekt, 2022. (In Russian)

Levina, Larisa. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralya. I tysyacheletie do n.e. - I tysyacheletie n.e. [Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. I millennium BC - I millennium AD] // M.: 1996, s.396).* (In Russian)

Levina, Larisa. «Issledovaniya v Djetyasarskom urochiще». V kn.: *Arheologicheskie otkrytiya 1976 g. [Research in the Dzhetyasar tract. In the book: Archaeological discoveries 1976.]* M., 1977. (In Russian)

Litvinskii, Boris. *Kangyuisko-sarmatskii farn. (K istoriko-kulturnym svyaziyam plemen Yujnoi Rossii i Srednei Azii) [Kangyui-Sarmatian Farn. (On the historical and cultural relations of the tribes of Southern Russia and Central Asia.)* Duşanbe, 1968. (In Russian)

Lotman, Yuri. *Vnutri myslyashih mirov [Inside Thinking Worlds.]* Moscow, 1996. (In Russian)

Maksimova, Anna, et al. *Drevnosti Chardary [Antiquities of Chardara.]* Alma-Ata, 1968. (In Russian)

Smagulov, Erbolat. «Sashlychnitsy» Altyntobe [«Barbecue girls» Altyntobe]. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshestvennyh nauk,* 2004, №1, s. 90–108. (In Russian)

Umanskii, Kiril. «Rhythm: from the universe to the composer» [“Rhythm: from the Universe to the Composer.”] *Issue № 2 (770),* 2020.

Freidenberg, Olga. *Poetika syujeta i janra. Period antichnoi literatury [Poetics of plot and genre. Period of ancient literature].* Leningrad, 1936. (In Russian)

Shults, Pavel. «Pozdneskifskaya kultura i ee varianty na Dnepre i v Krymu» [“Late Scythian culture and its variants on the Dnieper and in Crimea.”] *MIA, Moscow,* 1971. T. 177. (In Russian)

Назаров Агабек, Қаржаубаева Сәнгүл

Темірбек Жүргенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы (Алматы, Қазақстан)

ЖЕТИАСАР ЗООМОРФТЫ ҚЫШ ӨНЕРІНДЕГІ ПІШІНДІК ІЗДЕНІС БІРІЗДІЛІГІНІҢ СЕМАНТИКАСЫ

Аңдатпа. Әрбір мәдениеттің бірегей, көп функциялы, өзіндік ерекше стратификациясы және әлемге деген өзіндік көзқарасы бар. Осы тұрғыда бүгінгі таңда дәстүрлі сәндік-қолданбалы өнер мен ою-өрнектанудың қастерлі жануарлар түріндегі шағын мүсіндер мен иленген саздан жасалған керамикалық мәдени жәдігерлер, ерекше зерттеушілік қызығушылық тудырып отыр. Бұл зерттеудің семантикалық қызығушылығының мағыналық орталығы Сырдарияның төменгі ағысында орналасқан ортағасырлық қоныстардың қазбаларынан алынған қошқарлардың протомдары болып отыр.

Археологтар тапқан үш өлшемді мүсін фигураларының архитектурасы пішіні жағынан ерекше және бірқатар пластикалық ерекшеліктерге ие. Протомдардың қалыптасу процестеріне халық дәстүрі сабақтастығының жалпы жүйесінде қазақ этносының көркемдік ойлауының жарқын да өзіндік көрінісіне айналған, қастерлі жануарлардың өздерінің киелі табиғаты әсер еткені сөзсіз.

Сондықтан бұл зерттеудің мақсаты – ортағасырлық Арал өңірін мекендеген этностардың дүниетанымының тұрақты көрнекі және эстетикалық белгілері ретінде Жетіасар өңірінің зооморфты керамикасына семантикалық талдау жасау.

Сәндік зооморфты заттардың қалыптасу принциптері мен оларды безендірулерді «оқулардағы» және түсіндірмелердегі бар келіспеушіліктер әлі де гипотеза деңгейінде қалып отырғандықтан, зерттеудің негізгі мақсаты зооморфты апотроптық жасалу принциптерін объектілердің мәдени өзіндік дәрежесіне және пластикалық стильдеу тәсілдеріне қарай зерттеу болды.

Әдіснамалық тұрғыдан алғанда, зооморфтық элементтерді талдау тарихи-мәдени көзқарас шеңберінде жүргізілді, дегенмен, жалпы алғанда, зерттеудің әдіснамалық негізі мәдени антропология, өнертану, тікелей зерттеу эмпирикалық деректер далалық зерттеулер және археологиялық олжалар туралы есептердің әдістерін синтездейтін жан-жақты көзқарас болды. 3D модельдеу сияқты заманауи технологияларды пайдалану бірқатар сәндік элементтерді дәлірек көрсетуге мүмкіндік берді.

VII-X ғасырлардағы мәдени қабаттың қазбаларынан алынған статистикалық деректер мен қолда бар аналитикалық материалдар негізінде Арал теңізі мен Сырдария өңірінің зооморфты керамикалық артефактілерін олардың функционалдық мақсаты тұрғысынан зерттеу жүргізілді.

Түйін сөздер: мәдени дәстүрлер, протомдар, ою-өрнек формалары, мүсіндік стильдеу, Жанкент пен Жетіасар агломерациялары.

Дәйексөз үшін: Назаров, Агабек және Сәнгүл Қаржаубаева. «Жетіасар зооморфты қыш өнеріндегі пішіндік ізденіс бірізділігінің семантикасы», *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 10, №1, 2025, с. 16–34, DOI: 10.47940/cajas.v10i1.973.

Алғыс: Авторлар «Central Asian Journal of Art Studies» журналының редакторларына мақаланы баспаға дайындауға көмектескені үшін және анонимді рецензенттерге зерттеуге назар аударып, қызығушылық танытқаны үшін алғыстарын білдіреді.

Авторлар қолжазбаның соңғы нұсқасын оқып, мақұлдады және мүдделер қайшылығы жоқ екендігін мәлімдейді.

Nazarov Agabek, Karzhaubayeva Sangul

Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan)

SEMANTICS OF THE CREATIV FORMATIVE LOGIC OF JETYASAR'S ZOOMORPHIC CERAMICS

Abstract. Each culture is distinctive, multifunctional, has its own special stratification and attitude to the world. In this context, cultural heritage in the form of small sculptural forms and molded ceramic products in the form of revered animals is the field of decorative and applied arts and ornamentology, which is of particular research interest today. The semantic center of the semantic interests of this study was the protomes of sheep from the excavations of medieval settlements located in the lower reaches of the Syr Darya.

The architectonics of the three-dimensional sculptural figures found by archaeologists is specific in shape and has a number of plastic features. Of course, the formative processes of making protomes were influenced by the very sacred nature of the revered animals, becoming a vivid and peculiar manifestation of the artistic thinking of the Kazakh ethnic group in the general system of continuity of folk traditions. Therefore, the aim of this study was a semantic analysis of the zoomorphic ceramics of the Jety region as stable visual and aesthetic markers of ethnic groups' worldview, who lived in the medieval Aral Sea region. Since the current discrepancy in the "readings" and interpretations of the formative principles of ornamentlike zoomorphic products and their decor still remains at the level of hypotheses, the main task of the study was to consider the principles of producing zoomorphic apotropaic objects according to the degree of their cultural originality and methods of plastic stylization.

Methodologically, the analysis of zoomorphic items was carried out within the framework of a historical and cultural approach, but in general, the methodological basis of the study was an interdisciplinary approach that synthesized the methods of cultural anthropology, art studies, direct empirical data from field research, reports of archaeological finds, as well as the use of modern technologies such as 3D modeling, which made it possible to more accurately visualize a number of decorative elements. Based on statistics and available analytical material from excavations of the cultural layer of the 7th-10th centuries, zoomorphic ceramic artifacts from the Aral and Syrdarya regions were studied in the context of their functional purpose.

Keywords: cultural traditions, protomes, ornamental forms, sculptural stylization, agglomerations of Zhankent and Zhetyasar.

Cite: Nazarov, Agabek and Sangul Karzhaubayeva. "Semantics of the creativ formative logic of Jetyasar's zoomorphic ceramics". *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 10, №1, 2025, с. 16–34, DOI: 10.47940/cajas.v10i1.973.

Acknowledgements: The authors express their gratitude to the editors of the «Central Asian Journal of Art Studies» for the help in preparing the article for publication, as well as to anonymous reviewers for their attention and interest to the study.

The authors have read and approved the final version of the manuscript and declare no conflicts of interests.

Авторлар туралы мәлімет:**Сведения об авторах:****Information about the authors:**

Назаров Агабек Жеңісбекұлы — «Сәндік қолданбалы өнер» кафедрасының 2-курс PhD докторанты, өнертану ғылымдарының магистрі, Темірбек Жүргенов Қазақ Ұлттық өнер академиясы (Алматы, Қазақстан)

Назаров Агабек Жеңісбекұлы — PhD докторант 2-го курса кафедры «Декоративно-прикладное искусство» Казахской Национальной Академии искусств имени Темирбека Жургенова, магистр искусствоведческих наук (Алматы, Казахстан)

ORCID ID: 0000-0001-7925-9266

E-mail: diz_agabek@mail.ru

Nazarov Agabek — 2 st year PhD Student of «Decorative Art» Department, Masters of Arts, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan)

Қаржаубаева Сәнгүл Камалқызы — өнертану ғылымдарының докторы, «Сценография» кафедрасының профессоры, Темірбек Жүргенов атындағы Қазақ Ұлттық Өнер академиясы (Алматы, Қазақстан)

Қаржаубаева Сангүл Камаловна — доктор искусствоведения, профессор кафедры «Сценография», Казахская Национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова (Алматы, Казахстан)

ORCID ID: 0000-0002-4488-013X

E-mail: sangul_k@mail.ru

Karzhaubayeva Sangul K. — Doctor of Art Studies, Professor of Scenography Department, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan)